

О мерте,
о любви,
о судьбе

Глава первая

За спиной медленно и тяжело закрылась массивная с позолотой губернаторская дверь. Олег Степанович Кабуров и Филипп Игнатьев пересекли просторную приемную с дорогими коврами и многочисленным секретариатом, вышли в длинный коридор.

Олег Степанович был явно не в духе. Филипп с невинной улыбкой взглянул на него, доверительно произнес:

— Поздравляю, Олег Степанович

— С чем? — огрызнулся Кабуров. — С тем, что ты так ловко обставил меня?

— По-моему, у нас назревает скандал, дорогой теть.

— Скандал? Нет. Что-то посерьезнее. Не могу прийти в себя после того, как ты, сукин сын, фактически кинул меня

— И в чем же это я вас кинул? — продолжал беззобидно улыбаться Филипп.

— Не валяй дурака, дорогой зять. — Тесть вдруг остановился, почти вплотную приблизился к Филиппу. — Давай откровенно, почти по-честному. Если ты имеешь представление о таком понятии, как честь...

— До знакомства с вами имел такое представление. Похоже, с годами растерял.

— Считай, что я твою острогу проглотил. Что за схему ты придумал с фирмой «Бивень мамонта»? Почему она вдруг возникла при подписании контракта на строительство стадиона?

— Олег Степанович... Но вы ведь все-таки поставили свою подпись. И не стали задавать никаких вопросов.

— Скандал при губернаторе? — возмутился Кабуров. — Чтоб навсегда потерять репутацию? У меня на него много планов, перспектив и надежд. Мне еще с ним работать. Я не желаю, чтоб кто-то мне делал подножку, я собираюсь жить, растить бизнес, зарабатывать бабки.

— У вас мало бабок?

— Мало! Мне нужно думать не только о себе, но и еще о твоей жене, твоей дочке.

— Вашей дочке и вашей внучке.

— Да, моей дочке и моей внучке!

— Вы ведь не вечны, Олег Степанович. Подумайте хотя бы о них, я обязан обеспечить их будущее...

— Я как раз вечен, а ты — временщик, дешевка. А будущее твоей жены и моей внучки я обеспечу. Сам. Без твоих услуг. Без тебя. И жену и дочку, даю слово, в ближайшее время ты черта с два увидишь!

— Это как?

— Очень даже просто, разведу с Галиной, запрещаю видеться с дочкой.

— Будет скандал.

— Переживу.

— Ничего у вас не получится, Олег Степанович.

— Еще как получится! В неделю решу вопрос.

Ты не знаешь моих возможностей.

— Знаю, уважаемый тесть. Не первый год ходим в родственниках.

— Не первый, но, уверен, последний. Подумай хорошенько, зять.

— Это все из-за «Бивня мамонта»?

— Это была последняя капля! Я высоко ценю твои способности в изобретении ловких и часто рискованных схем в бизнесе, но при этом недооценил твою подлость и коварство.

— Подлость? — вскинул брови Филипп. — Это уже почти грубость, Олег Степанович.

— Не грубость — истинная правда. Подлость. Ты решил вывести мои активы из строительства стадиона? А это, дорогой мой, миллиардный контракт! Я такие вещи не прощаю. Я вырву его из твоей пасти с зубами, с челюстью, с башкой!

— Но, наверное, я имею право заниматься своим бизнесом? — не совсем уверенно произнес Филипп. — Хоты бы в интересах моей жены и моей любимой дочки.

— Имеешь. Но под моим контролем. И при интересах других акционеров моей компании. Того же Барышникова. Он первым оторвет тебе башку, запомни, парень. Бизнес — это война. Кто уцелел, тот выжил, все прочие — трупы. И ты тоже имеешь шанс стать трупом.

— Хотите сказать, что бизнес рядом с криминалом?

— Не рядом, но близко.

— А недавнее убийство Громова — тоже бизнес?

— Твой Громов перешагнул черту дозволенного, стал жрать с чужого стола. Решил, что схватил бога за бороду, поэтому его убрали.

— Бог — это вы?

— В какой-то мере.

— Значит, меня тоже уберут?

— Такой вариант не исключаю, если продолжишь играть по тем правилам, которые сегодня проклюнулись. И которые против меня и моих коллег. Уберем не задумываясь.

— Значит, Громова убрали вы? Или ваш лучший компаньон Барышников?

— Опасные вещи говоришь, зять. За подобную клевету, домыслы либо решетка, либо пуля в лобешник.

— Почему клевету, домыслы? У меня есть факты.

— Факты нужно подтвердить.

— Будьте уверены, при необходимости подтвержу. И предоставлю куда положено. Вот тогда никому мало не покажется, и вам в том числе, дорогой тещь.

— Во как ты заговорил, сучонок.

— А с вами по-другому нельзя. Но это пока что предупреждение. Для самозащиты.

— Послушай, дружок, не лезь в дебри, в которых можешь заблудиться и никогда из них не выбраться. Как говорится, сгинешь с концами.

— А мне надоело, осточертело ходить под вами, участвовать в грязных криминальных схемах.

— Которые, кстати, зарабатывал ты.

— Да, разрабатывал! Но больше не хочу. Хочу заниматься честным бизнесом. Не хочу сидеть в тюрьме. Хочу, чтоб моя дочка гордилась порядочным отцом, а не криминальным ублюдком. И не видела отца через решетку.

— Что несешь, придурок? Где ты видел в этой стране честный бизнес? А насчет решетки — не зарекайся! Лично посажу. Разорю и посажу. И уничтожу твою липовую фирму, которую ты нагло назвал «Бивень мамонта» в расчете на якутское золотишко. Верно, угадал твои дальние планы, зять? Схемку уже нарисовал?

— Приблизительно.

— Не приблизительно, а точно. Мои люди навели справки.

— Но...

— Никаких «но». Строить стадион все равно буду я. Моя корпорация.

— Я буду судиться.

— Судиться? Суд куплю, а тебя, сучонок, уничтожу. Пушу по миру. Забирай из моего дома свою полоумную мамашу и дуй в свой вонючий Жоподрьщенск, из которого я тебя, мразь, на свою голову, выдернул. И чтоб я тебя больше не видел!

Кобуров оставил зятя и быстро зашагал по коридору прочь.

Филипп растерянно смотрел вслед тестю. В конце концов махнул рукой и пошел по коридору в противоположную сторону.

Автомобиль Кабурова, мощный бронированный джип, стоял на стоянке губернаторского двора. Олег Степанович в сопровождении двух охранни-

ков пересек двор, разместился в салоне, на заднем сиденье.

Джип тронулся. Один из охранников, сидевший спереди, вопросительно оглянулся на хозяина.

— Смотри вперед, — велел Кабуров. — И засунь в уши вату. Или я откручу их!

Достал из кармана мобильник, набрал номер.

— Господин Барышников? Привет. Можешь говорить? Вот и славно. А я только от губернатора. Да, дорогой, все бумаги на стадион подписаны. Но не спеши радоваться. Бумаги подписаны, только не в нашу с тобой пользу. Нас ловко обскакал на повороте мой зять со своим «Бивнем мамонта». А вот так!.. Теперь он будет строить стадион, а мы лапу сосать. Что будем делать? А вот что, дорогой Илья Ильич. Прежде всего переведем стадион на себя. Я с губернатором пошепчусь, все переоформим. А потом эту тварь накажем. Самым беспощадным образом накажем. Все отниму, счета заблокирую. Недвижимость тоже заберу. Всю! Накажу так, мало не покажется. Но не это главное, Илюша. Главное, Филипп имеет какой-то компромат по Громову. Думаю, на тебя в первую очередь. Я тут при чем? Нет, ничего конкретного не сказал, все намеками. А вот и подключайся. Нет, пока не трогай до официального решения суда. Следить — следи, но пока без криминала. Нам пока это ни к чему. Конечно, будет судиться. Он хоть и сволочь, но не полный идиот. Свое просто так не отдаст. Ладно, давай думай. До созвона, обнимаю.

Дом Кабуровых находился в ближнем пригороде и был обнесен толстенным трехметровым кирпичным забором.

Ворота открылись, автомобиль медленно въехал во двор. Охранники быстро помогли немолодому шефу выбраться из салона.

Олег Степанович огляделся, заметил на хорошо обустроенной детской площадке худенькую фигурку женщины, одиноко сидящей на бортике песочницы, направился к ней:

— Скучаете, Клавдия Петровна?

Старушка, сухенькая, с кротким взглядом негородской женщины, подняла голову, усмехнулась:

— Думаю.

— О сыне?

— О ком же еще? Он тоже с вами приехал?

— Нет, Филипп подзадержался, будет позже.

— Скучно мне здесь и одиноко. Хочу домой, в свой райцентрик. А там и бывшая моя деревенька рядышком. С земелькой еще от отца.

— Какие проблемы, Клавдия Петровна? Могу отправить хоть сегодня. Или завтра. Машина всегда под боком.

— Посоветуюсь с сыночком. А вы ноне что-то суровый. Что-нибудь стряслось?

— Ничего особенного. Служебные проблемы.

— А Лизонька все еще в школе. Галя недавно поехала за ней.

Ворота открылись, во двор въехал белый джип. Когда он остановился, из салона выскочила бойкая десятилетняя девочка, побежала к песочнице. С ходу поцеловала Кабурова, затем мать Филиппа.

К ним подошла Галина, красивая молодая женщина, не старше сорока, высокая, модно накрашенная, строго одетая, взяла дочку за руку:

— Марш мыть руки и обедать.

— Я хочу побыть с бабулькой, — заныла та.

— Успеешь.

— Покушай, а потом прибежишь, — поцеловала внучку в щеку Клавдия Петровна. — Я подожду.

— А если ляжешь спать, как обычно?

— Не лягу, дождусь.

— Дочь, — обратился к Галине Кабуров, — нам нужно кое о чем поговорить.

— Что-то срочное?

— И срочное, и важное.

Они ушли, оставив возле песочницы старушку одну. Поднялись на веранду. Галина приказала молоденькой прислуге:

— Катя, покорми Лизу.

— Уже накрыла.

Лиза и домработница ушли, отец взял дочку под локоть, вскоре они оказались в кабинете, большом, с массой книг и бумаг.

— Ты чем-то расстроен? — взглянула на Кабурова Галина.

— Заметно?

— А то я тебя не знаю.

— Расстроен, и даже очень. Твоим мужем.

— Что он в этот раз вытворил?

— Вытворил такое, что тебе, дочь, придется в ближайшее время с ним расстаться.

— Шутишь, отец?

— На полном серьезе.

— Можешь более детально?

- Конечно. Он кинул нас, дочь.
- В чем?
- Со стадионом. Оформил сделку на себя, а мы сбоку.
- Это как? Это ж была изначально схема Филиппа.
- Именно. Он ее и реализовал, перекинув заказ на себя. На свою фирму.
- На «Бивень мамонта»?
- Ну.
- А ты куда смотрел?
- Я, старый пень, ему верил. Так же как и ты, более десяти лет.
- И как он объясняет?
- Никак. Сказал, что надоело ходить подо мной, решил стать независимым, самостоятельным.
- Вряд ли ему удастся.
- Не удастся... Начнем с вашего развода. Готова?
- Вот так с ходу? Не готова, отец. Надо поговорить с Филиппом.
- Бесполезно, я пытался, ничего не вышло.
- Но я не готова к такому развороту событий. И о дочке нужно подумать. Она привязана к отцу.
- А как ты станешь жить с ним после предательства? Что же касается Лизы... я с ней поговорю, она девочка умная, поймет.
- Галина подошла к окну, глянула на детскую площадку, где все еще сидела старуха.
- А куда девать бабку?
- Пусть едет к себе в деревню. Осточертело видеть ее унылую рожу.
- Она хочет уехать. Все время жалуется.

— Вот мы ей и поможем. Соберем манатки и сегодня же отвезем на родину.

— Пап... — Галина подошла к отцу, приобняла. — Послушай, пап. Ты разрушаешь мою семью. И для Лизки будет травма. У нее сложный возраст.

— Ничего, повзрослеет, поймет.

— Но подумай и обо мне. Я ведь люблю его.

— Неужели любишь?

— Представь.

— А не хочешь ли, дочь, полететь ко всем чертям со своим любимым? — вспыхнул Кабуров. — Я ведь могу устроить такую историю, ты меня знаешь. Попробуешь, как это жить на корочке хлеба да на водичке без масла и сахара. В каком-нибудь драном шалаше. На родине муженька, к примеру.

— Ты вынуждаешь меня развестись.

— Не вынуждаю, а разъясняю. Ты моя единственная и любимая дочь. А Лизу я не отдам, если надумаешь побежать за Филипком. В этом ребенке смысл моей жизни!

— Моей тоже.

— Вот побудь тут и подумай. А пока что я потороплю бабку...

— Может, завтра? — неуверенно возразила Галина. — Не успеем бабкины вещи собрать, их у нее несколько мешков.

— Надо успеть, пока твой любимый не вернулся. И вообще дам охране команду, чтоб его во двор больше не пускали.

— Будет скандал.

— Переживем. Позови бабку, пусть собирает шмотье. Не тяни время.

— Сам зови. У меня язык не повернется.

— Зато у меня повернется.

Кабуров быстро покинул кабинет. Галина видела, как он вышел во двор. Распорядился о чем-то охране. Подошел к матери Филиппа, принялся довольно долго в чем-то ее убеждать. Наконец Клавдия Петровна поднялась, тяжело побрела к дому.

Галина вышла ей навстречу.

— Вот, — развела руками старуха, — Олег Степанович велел собирать вещи, сегодня хочет отправить меня домой, на родину. А что стряслось, Галочка? Я ведь хотела дожидаться сына.

— Он к вам обязательно приедет, Клавдия Петровна. Нужно спешить, чтоб не ехать ночью.

— Я понимаю. Но сыночка все-таки хотелось бы увидеть, попрощаться. Твой папа сказал, что Филька будет не скоро.

— Да, у него срочные дела. Но, может, еще и успеет.

— Дай бог, — перекрестилась старушка. — Может, и хорошо, что уеду. А то тут от тоски помру. Скучно у вас. Все вроде как чужие. Только вот внученька Лизонька — человек.

Она ушла к себе. Галина крикнула вслед:

— Вам помогут собраться!

— Да я и сама управлюсь.

Автомобиль Филиппа подъехал к воротам, по-сигналил. Они не открывались. Он по-сигналил вторично — результат тот же.

Филипп вышел из машины, с силой постучал ногой в ворота.

Выглянул охранник, тупо спросил:

— Что нужно?